

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Къ № 173

Къ № 173

Воскресенье, 10-го августа 1903 года.

Инородческая кабала.

„Иородцы—вѣчные рабы лухавых завододецев“.

Изъ оффициальнаго сообщенія начальника алтайской инсис (1863).

Существуют общественныя явленія крайне безобразныя по существу, но такія, съ которыми современники настолько сжились, къ которымъ они настолько привыкли, что безобразіе потеряло характеръ остроты, сдѣлалось обычнымъ, такъ сказать, шаблоннымъ. Къ категоріи такихъ общественныхъ явленій должна быть отнесена въ Сибири и „инородческая кабала“. Всѣ писатели объ инородцахъ, всѣ изслѣдователи инородческой жизни яркими красками и массой примѣровъ иллюстрировали явленіе инородческой кабалы, видя въ ней одну изъ основныхъ причинъ инородческаго прогрессивнаго обнищанія и вымиранія для большинства инородческихъ племенъ, по государству и интеллигентное общество до сихъ поръ не только не выработали какихъ либо практическихъ мѣръ для борьбы съ этимъ зломъ, ровнымъ для самаго существованія инородцевъ, какъ отдѣльныхъ племенныхъ группъ, но даже не сдѣлали въ этомъ направленіи какихъ-либо, заслуживающихъ вниманія, серьезныхъ практическихъ попытокъ къ детальной разработкѣ инородческаго кабальнаго вопроса и для устраненія „кабальной гангрены“.

Съ разрѣшеніемъ инородческаго вопроса въ Сибири въ его широкомъ объемѣ тѣсно связано рѣшеніе экономическихъ вопросовъ. Такимъ образомъ инородческой вопросъ является одной изъ социальныхъ проблемъ и притомъ проблемъ весьма трудныхъ. При рѣшеніи ея очень соблазнительно не устоять и не перейти на почву теоріи laissez faire, laissez passer, за которой хотя и слышится суровое римское *vae victis* (горе побѣжденнымъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ, повидимому, стоитъ и открытый Дарвиномъ зоологическій законъ борьбы за существованіе и выживанія болѣе приспособленныхъ. Придерживаясь мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ, основывающихъ свои выводы, какъ на этомъ желѣзномъ законѣ, въ примѣненіи его къ социологическимъ явленіямъ, такъ и на массѣ фактовъ, взятыхъ изъ исторіи, многія лица, принадлежащая къ составу русской интеллигенціи, къ факту вымиранія инородческихъ племенъ относятся какъ къ фатальному явленію, которое не смогутъ устранить никакія человѣческія усилія. Эти лица полагаютъ, что подобный выводъ вполне логически обоснованъ, не принимая во вниманіе того, что, собственно говоря, серьезныхъ практическихъ мѣръ для огражденія инородцевъ отъ вымиранія и не дѣлалось. Главная причина вымиранія—это обнищаніе, а какія же серьезные попытки предпринимались для борьбы съ этимъ явленіемъ? Не только среди инородческаго населенія, но и вообще среди бѣднѣйшихъ классовъ человѣчества повсюду наблюдается наименьшая устойчивость бѣдныхъ въ сравненіи съ обезпеченными, такъ что расовыя свойства, поскольку они способствуютъ вымиранию народности, еще не могутъ считаться вполне выясненными. Исторія дала массу фактовъ и изъ нихъ пока можно сдѣлать одинъ неоспоримый и очевидный выводъ—обнищаніе народа, достигшее известнаго предѣла, повышаетъ смертность, понижаетъ рождаемость и ухудшаетъ физическій типъ. Изъ той же массы историческихъ фактовъ нельзя сдѣлать вывода, что „низшія“ въ культурномъ отношеніи расы не способны воспринять, усвоить и совершенствовать далѣе плоды цивилизаціи, достигнутыя ихъ болѣе культурными собратьями. Пока имѣются хоть два—три факта противоположнаго свойства—до тѣхъ поръ вышеприве-

денный выводъ является не достаточно логически обоснованнымъ. А такихъ противоположныхъ фактовъ не два—три, а десятки, если не сотни. Достаточно привести примѣры изъ жизни и исторіи японцевъ, финновъ, негровъ, не говоря уже объ отдѣльныхъ личностяхъ изъ нашихъ сибирскихъ киргизовъ, бурятовъ, соетовъ, и проч. Европеецъ всюду несетъ съ собой къ инородцамъ порабощеніе, захватъ имущества, болѣзни, вѣду, смерть и кабалу. Культурныя мѣры отпускалъ онъ инородцу крупными, да и то случайно, тогда какъ убивалъ, разорялъ и спаивалъ его систематически въ громаднѣмъ масштабѣ...

Въ настоящей статьѣ мы скажемъ нѣсколько словъ только о кабалѣ алтайцевъ, занимающихъ южную часть Томской губерніи—Алтайскія горы съ ихъ долинами. Уже болѣе столѣтія возникло въ этихъ мѣстахъ селеніе Уймюнокое и вскорѣ же послѣ его возникновенія является въ немъ семейство Ошлыковыхъ, которые начали вести съ алтайцами торговлю,

Алтайцы у своего жилища.

Къ статьѣ „Инородческая кабала“.

главнымъ образомъ мѣбовую. Торговля эта была настолько прибыльной, что въ короткій періодъ Ошлыковы стали уже богатыми людьми, известными за уймюнкскими предѣлами. Алтайецъ нуждался въ чаѣ, табакѣ, порохѣ, свинцѣ и проч. и шель къ торговцу, предлагая ему орѣхъ, скота и шкуры разныхъ звѣрей, которыми Алтай въ тѣ времена былъ богатъ. Промыселъ орѣха и звѣря не всегда былъ удаченъ, почему инородецъ долженъ былъ прибѣгнуть къ кредиту. Размѣры кредитнаго роста въ тѣ времена не были урегулированы закономъ и потому вслѣдствіе проценты были дозволены и законны. Ростовщичество, какъ преступленіе, не существовало, оно было терминомъ бытовымъ, но не юридическимъ. Примѣръ Ошлыковыхъ вызвалъ подражаніе, хотя, слѣдуетъ оговориться, Ошлыковымъ вовсе не принадлежить „честь“ открытія новаго способа увеличить свое благосостояніе, способъ этотъ—инородческая кабала—былъ давно извѣстенъ. Ошлыковы явились въ данномъ районѣ только первыми людьми, примѣнившими этотъ способъ. Современемъ въ Алтайскія дебри пошло все болѣе и болѣе русскаго элемента, стали основываться поселки и отдѣльныя замки, и число лицъ, кредитующихъ инородца, возросло. Каждый, наѣзжающій въ Алтай торговецъ выбиралъ мѣсто „болѣе дикое“; подъ этимъ терминомъ разумѣлъ онъ мѣстность, гдѣ еще не было русскаго элемента, гдѣ еще не было такихъ же торговцевъ. Прийдя туда и поселись съ небольшимъ капиталомъ, онъ быстро „оперялся“, увеличивалъ свои торговныя операціи, заводилъ обширное скотоводческое хозяйство, собиралъ въ качествѣ работниковъ и пастуховъ своихъ кабалниковъ—алтайцевъ, нанималъ прикащиковъ и строилъ хоромы со службами для размѣщенія товаровъ, скота, работниковъ, прика-

щиковъ. Такимъ образомъ, среди алтайскихъ дебрей основывалось крѣпкое гнѣздо, раскинувшее свои сѣти далеко въ окрестностяхъ. Объ условіяхъ кредита на Алтай помимо разныхъ корреспондентныхъ въ газетахъ имѣются свѣдѣнія, опубликованныя такимъ компетентнымъ и достовернымъ лицомъ, какъ академикъ Радловъ. „Въ 1860 году, говоритъ онъ въ своемъ путешествіи по Алтаю, я имѣлъ случай видѣть процессъ, гдѣ одному торговцу за нѣсколько бѣличихъ шкуръ и изавашила—въ общей сложности за 28 к.,—присуждено было получить съ двоеднца (инородца), живущаго около рѣки Шибита, 81 быка“. Слѣдуетъ замѣтить, что судъ этотъ былъ не русский—коронный, а инородческій, а въ такихъ судахъ заведывали въ качествѣ судей или лицъ болѣе богатыхъ, состоящихъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ торговцемъ или зависимаго отъ него въ экономическомъ отношеніи. Подобныя рѣшенія инородческихъ судей произносили зачастую. Торговецъ въ случаѣ надобности и шель въ такой судъ, которому онъ могъ диктовать свои рѣшенія. Тотъ же академикъ Радловъ какъ на примѣры кабальныхъ торговыхъ операцій указываетъ на кредитъ подъ кедровый орѣхъ. Торговецъ продаетъ въ долгъ, конечно, по высокой цѣнѣ какой либо товаръ съ условіемъ вышлатить за него столько-то пудовъ орѣха на будущій годъ. Урожай кедровыхъ орѣховъ бываетъ не каждый годъ. Если случается недородъ и должникъ не доставитъ всего количества орѣха, то на слѣдующій годъ онъ обязанъ уже доставить двойное количество оставшагося за нимъ, на третій годъ также и т. д. Такимъ образомъ долгъ растетъ ежегодно вдвое и достигаетъ громаднѣхъ суммъ, погасить которые нередко уже нѣтъ возможности. Торговецъ не желаетъ расчистываться на наличныя деньги по прошлагодней цѣнѣ, а требуетъ непременно товара условленнаго сорта, и если соглашается взять товаръ другого рода, напримѣръ мѣха, то по той цѣнѣ, какую угодно ему назначить, а на цѣны эти алтайскіе торговцы очень скупа, зная, что кабалники куда дѣваться. Характерны для обрисовки отношеній между заимодавцами и должниками—инородцами на Алтай формы расчетовъ за скотъ. Торговецъ напримѣръ покупаетъ у алтайца теленка, но такъ какъ корова кочевника не даетъ молока безъ теленка, то послѣдній оставляется у продавца и передается покупщику уже на слѣдующій годъ, повышенный въ цѣнѣ вдвое или втрое. Уходя за нимъ не идетъ въ счетъ. Купившій иногда намѣренно не требуетъ передатка теленка на другой же годъ и требованіе это предлагаетъ уже черезъ два—три года, получая вмѣсто теленка быка. Въ случаѣ же гибели скотины торговцу уплачивается ея стоимость частью звѣриными шкурами, частью другими товарами, а также мелкимъ скотомъ, оставляемымъ у хозяевъ опять таки на-выростъ, такъ что кредиторъ иногда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ за кирпичъ чаю собираетъ у инородца-алтайца въ десятки разъ болѣе стоимости проданнаго въ кредитъ. Мы не будемъ приводить отдѣльныхъ примѣровъ кабалы; изъ общей обрисовки этихъ кабальныхъ отношеній ясно, сколько теряетъ инородецъ, не имѣя доступнаго кредита и пользуясь имъ у частныхъ лицъ—торговцевъ. Ничуть не удивительно поэтому прогрессивное и быстрое обнищаніе алтайцевъ, уменьшеніе размѣровъ ихняго скотоводства и выдѣленіе изъ алтайской массы громаднаго количества бѣдняковъ, для которыхъ кредитъ, какъ бы онъ ни былъ тяжелъ, положительно необходимъ. Организаціи болѣе дешаваго кредита инородческому населенію является мѣрой, которая можетъ поддержать его и спасти отъ прогрессирующаго обнищанія и, какъ результатъ послѣдняго,—вымиранія. При крайней бѣдности народа невозможно и проведеніе въ

жизнь его культурных мѣръ. Бѣдность порождает апатію, полное равнодушіе, что въ соединеніи съ кабалными отношеніями ведетъ за собой полное отсутствіе интереса добывать болѣе средствъ, такъ какъ этими плодами трудолюбія все равно не придется воспользоваться. Многіе алтайцы дошли уже до такого состоянія, у нихъ нѣтъ почти скота, они ослѣли на мѣстахъ, перестали копать, ихъ жилища положительно жалки, ихъ питаніе скудно, а жизненная обстановка говоритъ о крайнихъ предѣлахъ нищеты. Многіе торговцы на Алтаѣ нынѣ жалуются на упадокъ дѣлъ и вспоминаютъ о прошлыхъ временахъ. Этотъ упадокъ и долженъ быть какъ результатъ хищнической дѣятельности въ теченіи десятилетій дѣтъ. Государственный льготный кредитъ долженъ прийти на помощь инородческой бѣдности и освободить ее изъ кабалныхъ путъ. Организация такого кредита возможна, стоитъ только за нее встать, воспользовавшись указами благожелательныхъ инородческихъ племенамъ мѣстныхъ людей.

Ал. Михайловичъ.

Сонъ.

Болеслава Пруса.

(съ польскаго).

На четвертомъ курсѣ медицинскаго факультета былъ нѣкій студентъ. Существовалъ онъ двумя уроками на шесть рублей въ мѣсяцъ, помѣщался на четвертомъ этажѣ въ комнатѣ за 4 рубля. Онъ никогда не платилъ правильно за квартиру—не потому, что желалъ разорить хозяина дома, а просто потому, что не имѣлъ достаточно денегъ.

И зимой, и лѣтомъ онъ носилъ мундиръ, побѣлѣвшій на свѣжъ, съ вытертыми до красной мѣди пуговицами. Брюки его были такого страннаго вида, что ихъ едва можно было принять развѣ за логарифмы брюкъ. Карманы свои онъ самъ называлъ бездной, такъ какъ они всегда были пусты, а въ концѣ концовъ сконфуженные куда то совсѣмъ исчезли. Въмѣсто нихъ остались глубокія дыры до самой земли.

Послѣдствіемъ такихъ исключительныхъ матеріальныхъ условий, бѣдный студентъ имѣлъ впалую грудь, сильно подтянутый животъ и вѣчно опущенную голову, не отъ горя и печали, конечно, а по той простой причинѣ, что бѣдная голова его заключала въ себѣ гораздо болшую дозу науки, чѣмъ могла нести его тонкая и худая шея.

— О! Если бы я могъ, говорилъ онъ не разъ—я совсѣмъ иначе устроилъ бы мѣръ: по первымъ, у меня былъ бы урокъ за 30 руб. въ мѣсяцъ. Каждый день обѣдъ, зимою теплое пальто и плата за квартиру, а теперь... Я охотно далъ бы тому сто рублей, кто бы предсказалъ мнѣ, окончу ли я курсъ медицины, или нѣтъ?.. А то вѣдь съ этимъ главнымъ кашлемъ и съ этимъ легкимъ... А впрочемъ, какое мнѣ дѣло? Не я же буду виноватъ, если Европа лишится такого превосходнаго врача! А какъ бы я лѣчилъ, всѣмъ пациентамъ всегда одинъ и тотъ же рецептъ: сухое помѣщеніе, отапливаемое каждый день; не завтракать и не... ужинаетъ можно, но обѣдать—безусловно. Одежда должна быть цѣлая и соответствующая сезону, притомъ необходимо имѣть, самое меньшее, двѣ сорочки... избѣгать лекарствъ и докторовъ!..

Однажды передъ Рождествомъ, получивши 5 р. за уроки, пріятель нашъ очутился въ весьма затруднительномъ положеніи. Нужно бы отдать за квартиру за июль, а тутъ бѣда! пришлось отдать 3 руб. долгу уѣзжающему товарищу, 75 к. лавочнику за провизію, сторожу быть долженъ рубль.

Гдѣ же тутъ взять за квартиру?

Онъ такъ былъ обезкураженъ недостаткомъ финансовъ, что только къ вечеру вернулся домой. — На четвертый этажъ переехалъ уже новые жильцы,—сказалъ ему дворникъ, почесывая затылокъ.

— Кто?.. Какимъ образомъ? Это что за насиле? что за разбой? горячился студентъ, опуская руку въ карманъ, въ которомъ у бандитовъ бываеетъ револьверъ, а у обыкновенныхъ смертныхъ деньги.

— Хозяинъ говоритъ, что вы не платите ему полгода и велѣлъ ваши вещи вынести въ мою избу. Тамъ поселился какой то бѣднякъ съ женой и тремя дѣтьми. Сегодня уже они заняли у меня угля и картофеля.

— А! если такъ, то ничего еще! Но пусть бы сюда переселился какой нибудь Блокъ или Кроненбергъ, показали бы я хозяину, что значитъ пренебрегать своими обязанностями! И кивнувъ головой, онъ вышелъ на улицу, не спросивши даже о своихъ вещахъ, которыя между тѣмъ достойны были мудреца:

Зубная щетка, половина полотенца и очень красивый анатомическій атласъ.

Идя по улицѣ, онъ вспомнилъ, что слишкомъ долго постился, и что необходимо что нибудь

— Вотъ скандальная баба! Еще скопрометруеть меня: ей платюсъ и мой мундиръ такъ походить другъ на друга, что прохажіе могутъ принять насъ за родственниковъ.

Пошли вамъ Богъ счастья! Счастья! Что такое счастье?

Не разъ слышалъ я это слово и, хотя былъ совершенно доволенъ своей судьбой, не могъ-бы однако утверждать, что когда нибудь быть счастливымъ...

Впрочемъ, вечерокъ у Баера чего нибудь да стоитъ, чортъ возьми! Я одинъ съѣлъ тамъ кажется пять сарделекъ, съ полфунта сыру, не считая уже булокъ. А пуишь? А бургундъ оттъ Мавинька?... а апельсинъ?... Апельсины были кажется натуральные... Вѣтъ я и пилъ тамъ какъ какой-нибудь кизилъ!

Даже дѣвчии были, если не ошибаюсь, изъ первокласснаго ресторана... Не могу сказать, чтобы и это было счастье... Но что же такое счастье?

Дѣвнадцать лѣтъ тому назадъ, когда онъ ѣхалъ на Рождество домой въ легкомъ пальто, ему было такъ холодно, что онъ чуть не замерзъ совсѣмъ, но за то, когда онъ пріѣхалъ домой, ему дали горячаго чаю съ молокомъ и послѣ уложили въ теплую постель и его окончившія ноги стали согрѣваться, онъ почувствовалъ такую неизвѣданную благодать...

Ему стало такъ весело, что онъ разсмѣялся, увидѣвъ на стѣнѣ тѣнь головы отца съ непокрытой огромнымъ носомъ... А какъ весело мигала та голова свѣча и какъ спокойно улыбалъ онъ, радуясь тому, что морозъ такъ изрядно проработалъ его.

Позже въ его жизни много было такихъ морозовъ, холода и голода, но странная вещь: ни одно изъ всѣхъ пережитыхъ наслажденій не промѣнялъ бы онъ на вечеръ съ дѣвчанами и цупсами; не промѣнялъ бы даже на 30-ти рублевый урокъ. Не это ли счастье? Вотъ забавная вещь!

Размышляя такимъ образомъ, онъ и не замѣтилъ, какъ очутился въ Саксонскомъ саду. Въ аллеяхъ изрѣдка только появлялись прохажіе, быстро стремясь къ выходу, какъ будто за ними гнались наступающая ночь и холодъ.

На сѣнгу играли нѣсколько собакъ. Въ сторонѣ отъ нихъ, переминаясь съ лапы на лапу и дрожа отъ холода, сидѣла одинокая собачка съ необыкновенно тонкой талей и меланхолическимъ взглядомъ. Видъ ея напомнилъ студенту, что онъ и самъ чертовски озябъ. Положивши свертокъ съ колбасой на скамью онъ сталъ бѣгать по аллеямъ, похлопывая руками въ бока и потирая уши.

— Нужно сознаться,—подумалъ онъ, чувствуя благопріятный результатъ такихъ упражненій,—что человѣкъ гораздо совершеннѣе собаки, которая не умѣетъ даже отогрѣть себѣ уши.

И взглянувъ въ сторону собакъ, онъ увидѣлъ, что свертокъ его лежитъ растерзанной на сѣнгу, колбасы въ немъ уже нѣтъ, а остатокъ хлѣба съ жадностью улетаетъ та самая собачка, которая такъ меланхолически присматривалась къ бѣготнѣ своихъ товарищъ.

— Ахъ, чтобы тебѣ!.. подскочилъ студентъ къ ней и со всего размаху двинулъ ее въ зубы.

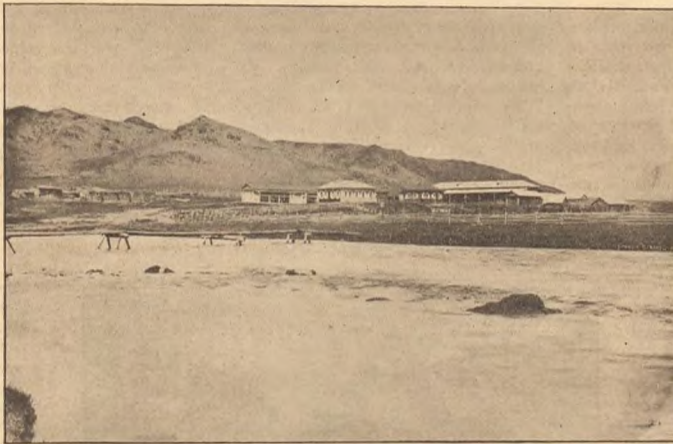
Собака съ жалобнымъ визгомъ: ай-ай!.. бросилась къ воротамъ.

Взглянувъ на изорванную бумагу, онъ теперь только ясно созналъ, что ему холодно, что онъ голоденъ и что не имѣетъ пристанища!..

Какъ бы то ни было, не можетъ же студентъ 4-го курса оставаться въ такомъ двусмысленномъ положеніи.

— Чего я буду ждать здѣсь? Еще замарану и меня возьмутъ въ полицію. Наконецъ, имѣю же я очень приличное мѣсто. Сегодня кто то изъ нашихъ дежурить въ клиникѣ, пойду смѣню его и выплосъ тамъ, какъ ангель, наѣмся, наконецъ...

Черезъ десять минутъ онъ былъ уже въ клиникѣ, гдѣ дѣйствительно засталъ дежурнаго товарища и предложилъ ему смѣнить его на ночь

Усадьба русскаго торговца въ Усть-Канѣ на Алтаѣ.

Къ статьѣ «Инородческая кабала»

Юрта оубдлага алтайца.

Къ статьѣ «Инородческая кабала».

съѣсть, хотя онъ и не чувствовалъ голода. А потому онъ зашелъ въ лавку и, какъ гастрономъ, купилъ кусокъ высохшей колбасы, а какъ человѣкъ практичный—чернаго хлѣба и всю эту покуску, съ чрезвычайной гордостью приказавъ завернуть въ сахарную бумагу. Ему показалось даже, что лавочница смотритъ на него съ особеннымъ удивленіемъ.

— Не думаетъ ли она, что я собираюсь на сѣверный полюсъ! Между тѣмъ лавочница, поддѣрывая въ немъ хроническую голь, разсматривала внимательно его пятнадцатилѣтній...

Получивъ три копѣйки сдачи, медикъ вышелъ на улицу, но въ ту же минуту какая то старуха въ лохмотьяхъ ухватила его за руку и воскликнула умоляюще:

— Господинъ, господинъ! будьте добры, помогите бѣдной!

— Почула запахъ колбасы,—подумалъ онъ и, чтобы избѣжать скандала, отдалъ бабѣ послѣдніе 3 копейки.

— Пошли вамъ Богъ счастья!—сказала патетически баба въ лохмотьяхъ, простирая къ нему руки.

Бѣдный студентъ, точно ужаленный, вырвался изъ ея объятій.

Но товарищ, взглянув на него очень пристально, категорически отказался от услуги, увыряя, что ни за что на свете не оставит своих больных, но, что, если он хочет, даст ему свободную кровать в другой комнате. Любезный товарищ помог ему раздеться, приказал принести горячего чаю, уложил, укрыл и в довершение всего, всунул ему термометр под мышку.

— Не воображаешь ли ты, что я болен? — спросил смѣясь наш приятель. — Глупости! Дѣло только в томъ, что хозяинъ выбросил меня изъ квартиры и мнѣ негдѣ спать...

Если бы не это, я и не подумалъ бы заглядывать сюда.

— Да, если бы не пустой желудокъ, не скороградная температура и 120 ударовъ пульса въ минуту, то можно было бы считать тебя совсемъ здоровымъ, думать товарищъ.

Бѣдный студентъ былъ въ восхищеніи отъ госпитальной кровати, поминутно втягивалъ товарища въ философскіе диспуты о томъ, что

ней и пульсированіе ихъ внутри, переливаніе соковъ въ растеніяхъ, дыханіе листьевъ, выделение новыхъ почекъ.

Казалось, что при болѣе сильномъ напряженіи зрѣнія можно было проникнуть въ мысли и мѣняющіяся чувства въ сердцахъ людей. Для изслѣдованія этихъ тайнъ природы не надобилось никакихъ специальныхъ приспособленій, а каждый предметъ самъ открывалъ свой секретъ своимъ красочнѣйшимъ, звучнымъ и яснымъ языкомъ. Въ этомъ закодованномъ мѣрѣ даже камни жили, чувствовали и говорили. Присмотрѣвшись внимательно, студентъ замѣтилъ еще одно странное явленіе: все тамъ было совершенно и прекрасно, — мужчины, женщины, растенія, камни; но совершенно въ обратномъ смыслѣ: все самое красивое на нашей землѣ поражаало тамъ своимъ уродствомъ. Бархатъ, шелкъ, перла и золото, среди общей роскоши выглядѣли неприглядными и побрякушками. Въ то же время грубое полотно, сермяги, лапти, лохмотья нищихъ имѣли въ себѣ что-то оригинальное и эффек-

тнѣе дыханіе. Исторія торговли была очень проста: въ продолженіи тридцати лѣтъ, ежедневно, она давала по седедкѣ и по куску хлѣба бѣдняку, который первымъ проходилъ возлѣ ея бочки.

Взглянувъ также въ окно ея жизни, студентъ увидѣлъ дѣльную шеренгу людей различныхъ положеній и возрастовъ, сидящихъ, лежащихъ на тротуарахъ, на снѣгу, подъ заборомъ, на ступенькахъ, и всѣ эти люди ѣли сельди съ хлѣбомъ, а надъ каждымъ изъ нихъ была изображена картина: одинъ хотѣлъ лишиться себя жизни отъ голода, но своевременная помощь еврейки вернула ему жизнь. Другой намѣревался украсть, но та же помощь удержала его отъ преступленія. Нѣкоторые рѣшились оставить дѣтей или убить кого нибудь изъ-за денегъ, но, небольшая сельда и кусокъ хлѣба не допустили ихъ сойти съ пути. Словомъ, въ окнѣ старой еврейки можно было увидѣть массу людей несчастныхъ, озлобленныхъ, отчаивающихся, но получившихъ затѣмъ утѣшеніе, поддержку и надежду. Всѣ они

Соборъ въ пос. Ново-Николаевскомъ.

Мужское церк.-приходское училище въ п. Ново-Николаевскомъ.

Часть соборной площади въ пос. Ново-Николаевскомъ.

Пристань въ пос. Ново-Николаевскомъ.

такое счастье? Около десяти часовъ вечера онъ почувствовалъ себя на столько хорошо, что не только смѣялся и пѣлъ, но захотѣлъ непременно встать и идти гулять — дышать лѣтнимъ воздухомъ и грѣться на солнцѣ... Пришлось силою удерживать его въ постели, пока обезсиленный борьбой, онъ не впалъ въ безсознательное состояние.

Передъ его глазами, закрытыми для земной жизни, вдругъ открылся новый мѣръ. Небо представилось ему изумруднымъ океаномъ, усеяннымъ золотыми и серебряными островками, на которыхъ обитали очень странные люди, животныя и растенія. Глядя на этотъ невѣдомый край, онъ скептически улыбался, какъ человѣкъ, которому показываютъ панораму или рассказываютъ сказки.

Его поражаетъ, однако, видъ всѣхъ предметовъ: несмотря на то, что листья такіе же зеленые, песокъ — желтый, земля — сѣрая, цвѣты — розовые, бѣлые и голубые, — все это отличается необыкновенно яркимъ блескомъ и прозрачностью. Тоже самое замѣчалось въ облакахъ и капляхъ росы. Каждый предметъ не только блестящъ, но и свѣтитъ, благодаря чему, всмотрѣвшись лучше, можно было видѣть движеніе кам-

ное. Правильныя лица и формы надѣдали однообразіемъ, некрасивыя, уродливыя тѣла возбуждали интересъ.

Также прекрасно гармонировали между собой сломаанныя деревья, разоренные дома, разрушенныя землетрясеніемъ дѣла страны.

Неподалеку отъ скалы изъ сапфировъ и топазовъ, изъ которой вытекала прозрачный бриллиантовый ручей, студентъ увидѣлъ группу женщинъ. Были тамъ банширы въ жемчужныхъ ожерельяхъ и графини въ кружевахъ и страусовыхъ перьяхъ. Всѣ онѣ съ завистью толпились возлѣ старой еврейки — торговки сельдами. Богатые ихъ наряды на изумрудномъ фонѣ поляны выглядѣли какъ старая тряпка. Въ то же время, ватная кофта торговки съ торчащими клочками выльзшей ваты, имѣла видъ и блескъ бронзы, оправленной въ серебро.

Лица красавицъ были печальны и бездушны какъ трупы, въ которыхъ дотлѣвала искорка угасающей жизни.

Студентъ узналъ, что эти дамы никогда въ своей жизни ничего не сдѣлали хорошаго и не переживали горя. Чтобы оживить умирающую мысль, несчастная существа толпились возлѣ старухи, которая, изъ жалости къ нимъ, позволяла смотрѣть въ окно своей жизни и черпать оттуда

размножились и давали начало новымъ страдающимъ и счастью. Въ оборванной ватной кофтѣ, съ заложенными на животѣ руками, старая торговка покачивала соболѣзную голову. Ея мильсердная душа была усеяна чистыми воспоминаніями, какъ дерево цвѣтами весной.

— Въ такомъ случаѣ, я могу вести здѣсь очень пріятную жизнь — подумалъ студентъ. Мой дырчатый мундиръ и пустой желудокъ сжело могутъ конкурировать у окна торговли!

Мысли его прерваны были вдругъ страшнымъ визгомъ „ай-ай“!

Ему показалось, что въ уши его вбиваютъ кинжалъ. Эта сильная боль затемнила и заглушила всѣ красоты сна...

— Что за чортъ! Неужели это та собака, которую онъ ударилъ по зубамъ въ саксонскомъ саду? Не дай Богъ, если она устроитъ мнѣ другой подобный концертъ!...

Интересно подвести итогъ своимъ заслугамъ. Похожъ ли я хотя нѣсколько на счастливую торговку.

Изъ того, что я видѣлъ, могу заключить, что величайшей честью является страданіе, а счастьемъ добродѣтель.

И изъ сердца его стали вдругъ исходить тысячи лучей, какъ бы золотыхъ нитей, стремя-

